

«Вирус степа» в Россию завезли негры. В 1907 году группа чечеточников из Нью-Йоркских кабаков так понравилась русским, что их стали приглашать на официальные приемы аж в Зимний дворец. Среди отечественных артистов подобной чести удостоивались единицы. В 20-е годы — спасибо нэпу — увлечение чечеткой приобрело всероссийские масштабы. Баловался ею и Леонид Утесов. В тридцать седьмом степу покровительствовал сам нарком путей сообщения Лазарь Каганович. «В организованный им Железнодорожный ансамбль песни и пляски он пригласил степистов Харитонову и Тиборга. А потом по его распоряжению из Краснознаменного ансамбля, опекаемого наркомом обороны Ворошиловым, переманили отличных танцоров-чечеточников братьев Зерновых...» — рассказывает историк степа Наталья Шереметевская.

Идиллия продолжалась недолго — советскую эстраду стали «очищать» от чуждых элементов. В спешном порядке ликвидировали джаз-оркестры. Степ обвинили в буржуазности, а слово «чечетка» стало почти ругательством. Терминология-то в степе сплошь англоязычная: двойной удар — «шампл» (шарканье), «страживающее» движение — «браш» (щетка). Посему-то степ и стали обтекаемо именовать «ритмическим танцем». Все, что имело отношение к степу, воспринималось «в штыхы». Однажды на заседании приемочной комиссии, обсуждая номер братьев Гусаковых (прославившихся на всю страну позднее, после рязановской «Карнавальной ночи»), где они двигались, как куклы-марионетки, представитель главреперткома заявил: «Балетмейстер издевается над советскими актерами, лишая их живого лица». И лишь заступничество авторитетного Райкина, тоже входившего в состав комиссии, спасло номер.

Доходило до абсурда. С начала 60-х кумирами наших степистов были братья Николс (танцевавшие в «Серенаде солнечной долины») и Фред Астор. Но когда уже в начале 70-х Владимир Кирсанов решил поздравить Фреда Астора с днем рождения, «хотелось сказать, что в России его знают и тоже танцуют степ», на почте ему устроили настоящий допрос: «а вы знаете, кто это такой? Откуда вы его знаете?» Потребовали принести паспорт с пропиской, потом — кучу справок из домоуправления. В конце концов Кирсанов плюнул, понял, что не потянет доказывать советскому государству свою благонадежность и лояльность. Так Фред Астор и не узнал, что в Союзе тоже бьют чечетку. Это вам не Америка, где в свое время в радиопередачи включали степовые номера: «А теперь послушайте выступление братьев Николс».

«Степ в Америке — почти народный танец, — рассказывает Насыров. — Во время гастролей по Штатам я жил в доме одного священника. Так он преподает чечетку всему приходу, у него учатся прихожане в возрасте от шести до восьмидесяти. Одна старушка, вообще сле-

БИТЬ ИЛИ НЕ БИТЬ?

Зимний вечер в... Перово. Бывший Дворец пионеров. Здесь ведет кружок степа Аркадий Насыров. Большинство помнит его по фильму «Зимний вечер в Гаграх» в роли молодого Беглова-Евстигнеева. Сейчас ему без малого сорок. Почти не выступает («последний раз приглашали сделать степ в клубе «Титаник»). Дважды в неделю учит желающих «бить чечетку». «На кусок хлеба хватает — и ладно»... А ведь после фильма ему прочили карьеру российского Фреда Астора.

«Зимний вечер» — фильм о не слишком счастливой судьбе реального человека — чечеточника Алексея Быстрова, одного из моих учителей, — говорит Насыров, — впрочем, это кино про всех нас, степистов».

«Зимний вечер в Гаграх»

пая, а «бьет степ» лучше многих... Меня же по жизни даже не узнавали никогда. Скажем, проходят концерты в Театре эстрады, один из номеров рассчитан на работу с публикой — я как бы учу их танцевать чечетку. На сцене все хорошо, а после работы спускаюсь в метро — вот она, моя публика! Стоят, репетируют, хлопают-топают на платформе. Только на меня — ноль эмоций», — обижается Насыров.

С желанием танцевать степ страна проснулась на следующие танцеве утро после «Карнавальной ночи». Началась медленная чечеточная «оттепель». В результате гонений педагогов-чечеточников осталось мало. Степ ведь не выучишь, как музыкальную пьеску, — по нотам. Есть «словарь основных ударов», но все передается только лично, от учителя к ученику. Уцелевшие чечеточники часто подрабатывали на съемках фильмов. Алексей Быстров был хореографом фильма «Мы из джаза», Владимир Кирсанов — «Зимнего вечера». Ему же приходилось дублировать актеров, если в сценарии присутствовали номера с чечеткой. В том же «Зимнем вечере в Гаграх» он бил степ за Панкратова-Черного. В картине «Мы из джаза» Кирсанов «делал ноги» Игоря Скляра, когда тот пел с Цыплаговой знаменитую песню «Мой старый рояль».

Все, знающие степ не понаслышке, утверждают — надо быть абсолютно ненормальным и одержимым, чтобы «бить чечетку». Помните, в «Зимнем вечере» герой Евстигнеева говорит: «Походка, ноги — все это чушь со-

Фото из личного архива Насырова.

закончился в Перово

бачья. В чечетке главное — кураж!» «Я очень люблю это слово, — замечает Насыров. — Но если вышел на сцену без куража, ты — пустой человек. У меня был смешной концерт в ЦДРИ. Настроения никакого, сцена плохая, тяжело, неинтересно. Вдруг, смотрю — таракан по сцене бежит. И вот я для этого таракана танцую — такое удовольствие получил! Он от меня убежал, а я пытался в танце его догнать. Мне потом говорили: ты так сегодня хорошо танцевал!.. А в Ташкенте на финале у меня вообще ботинок улетел в зал, я дотанцовывал на одной ноге... Кстати, хорошие ботинки всегда достать было сложно. А ведь они — часть успеха степиста».

Секреты профессиональной обуви чечеточников лучше всех знает Рафаил Шарафетдинов, не даром он — единственный в Москве человек, кто больше тридцати пяти лет крепит набойки к ботинкам степистов. Сейчас ему — 67. Основная профессия — изготовление ключей, починка швейных машин, а набойки бьющим чечетку — так, вроде хобби. Начинал в 59-м году. Знаменитые чечеточники Союза частенько заходили в обычный «Металлоремонт» на углу улицы Горького и Большой Грузинской, к Шарафетдинову. Он был вхож в ансамбли Моисеева и Александра. Делал набой-

ки как для степистов (братьев Гусаковых, Сазоновых, Кирсанова, Насырова), так и просто артистам — Рыкунину, Эсамбаеву. Его знает и вся сборная по хоккею — набойки крепятся по тому же принципу, что и коньки: пятка — на шурупах, мыс — на заклепках. Ботинок с набойкой работает года два-три, но все зависит от пола, на котором чечетку бьют: дерево продлевает жизнь набойкам, но звук получается хуже, пластик и оргстекло дают потрясающий звук и акустику, но быстрее изнашиваются пластины «Помню, Владимир Зернов заказал двойные набойки, которые действуют и звук дают по типу кастаньет: одна пластина намертво крепится на подошву, вторая — «плавающая». Толщина таких «подошв» — миллиметров по шесть, три на каждую. А теперь все покупают фирменные американские пластины. Они делаются путем литья и получаются пустотелыми, отчего дают хороший звук». Цыганские ансамбли тоже заказывали набойки «от Шарафетдинова» — их переплывы похожи на чечеточные движения и даже легли в основу разновидности чечетки — «цыганской». Тут технология другая: пластины изготавливались из пластика текстолита — сверхпрочного, который невозможно расколоть. Звук у таких набоек получался другой — чуть глуховатый».

...Степ сегодня снова в моде. Столичные степисты нарастают — ставят номера с чечеткой по московским клубам и театрам, пытаются выйти на мировой уровень и даже разок взяли «золото» на американских степовых фестивалях. Они сумели вписаться в сегодняшний шоу-бизнес с его законами — обязательной раскруткой, рекламой, продюсерами... У чечеточников прошлого жизнь сложилась иначе. Один из лучших степистов 30-х Вадим Гумбург попал в плен и погиб, Борис Гусаков (дудет «братья Гусаковы») умер прямо на сцене от сердечного приступа. Юрий Гусаков закончил жизнь, тихо преподавая в цирковом училище. Другой степист Михаил Кушнер эмигрировал в Америку. Насырова же некоторые называют «трагической фигурой степа». Танцевальная семья (мать — балетмейстер), именитые педагоги, блистательный старт и... ничего. Ему еще только сорок, а в пору звонить всюду и напоминать, как герой Евстигнеева, «я жив, помните! Имейте в виду, что я жив и здоров!».

Мы пьем жидкий кофе из пластиковых стаканов, сидя за колченогим столом в буфете экс-Дворца пионеров.

«Что-то я упустил, конечно. Не воплотилось то, что хотел, — вдруг говорит он. — Но знаешь, я не совсем уж себя похоронил...»

Дарья ПРОНИНА.

09.01.99

Насыров Аркадий